

ИГРАЯ В КАРТЫ...

(О названиях карточных мастей)

Как лучше сказать: пики или вины, трефы или крести, пиковый или пикбый и т. д.? Говоря иными словами: возможно ли разграничение «правильных», литературных, и «неправильных», нелитературных, обозначений для такого незначительного занятия, как игра в карты?

Конечно, к названиям карточных мастей нельзя подходить с теми же мерками, с какими мы подходим к обычной лексике литературного языка. Карточная терминология преимущественно используется в устной разговорной речи, которая более изменчива, в которой часто колебания нормы. Но мы можем выявить те варианты, которые за-

крепились в речи носителей литературного языка, стали в их среде общеупотребительными. Это, по-видимому, и должно иметь решающее значение для определения «нормы» в области карточной терминологии.

Названия карточных мастей вместе с их изображениями пришли на Русь из Европы. Источники и особенно пути заимствования пока известны нам только в общих чертах, многое остается здесь предположительным. По данным памятников письменности, игра в карты на Русь стала распространяться с конца XVI века. В Европе в это время были в ходу две карточные колоды — французская и немецкая, каждая со своими особыми изображениями и названиями мастей. Французские масти назывались соеиг — 'сердце', *rique* — 'пика', 'кошье', *trèfle* — 'трилистник', *carreau* — 'квадратик'. Их изображения сохраняются и в современной колоде. В немецких картах изображение одной масти совпадало с французскими, а сама масть называлась *Rot* 'красное сердечко', остальные отличались и носили иные названия: *grün* (зеленый листик или листики винограда, соответствует современным пикам), *Eicheln* (желудь, соответствует современным трефам), *Schellen* (бубенчик, современные бубны).

В России до конца XVIII века были в ходу названия *черви*, *бубны*, *жлуди* или *желуди*, *вины* или *вини* (зеленые листики или плоды винограда; слово *вино* в старину имело у нас еще значение 'виноград'), в XVIII веке стало известно еще название *кресты* или *крести*. В. И. Чернышев предполагает, что все это (за исключением *кресты*) — перевод немецких названий, усвоенных русскими от чехов и еще преобразованных на русской почве: *черви* восходят к чешскому *červený* (перевод немецкого *Rot*; *červený* — 'красная краска'), *бубны* — к чешскому *bubny* (перевод немецкого *Schellen* — 'жлуди или желуди') — к чешскому *žaludy* (перевод немецкого *Eicheln*), *вины* или *вини* — по всей вероятности, русский перевод чешского *zelený* (немецкое *grün*) и, наконец, *кресты* или *крести* — пере-

вод чешского *kříží* (*kříž* — 'крест') что в свою очередь восходит к французскому *trèfle*, так как чехам помимо немецкой колоды была известна и французская.

В конце XVIII столетия, в пору сильного французского влияния в России, распространяется французская колода с ее характерными изображениями и соответствующей терминологией. Однако новые названия не вытеснили известные ранее, но стали употребляться наряду с ними. В наименовании мастей кроме *жлудей* и *крестей* появились *трефы*, карточная масть *вины* стала называться также и *пиками*.

В настоящее время среди носителей литературного языка самыми ходовыми названиями стали *черви* (червы), *бубны*, *пики* и *трефы*. Старые — *вины* (вины) и *крести* — воспринимаются теперь как просторечные, название *жлуди* излезло, видимо, совсем. Решающее значение для установления современной «нормы» имело распространение французской колоды. Когда на картах появилось изображение, напоминающее наконечник копья взамен виноградных листочков, то для него стало более естественным употреблять название *пики*, а не *вины*; для изображения трилистника, конечно, больше подошло обозначение *трефы* (раньше *жлуди*); изображение червонной масти совпало в старой и новой колоде и это обеспечило сохранение старого названия *черви*. Относительно сохранения старого наименования *бубны* для нового изображения масти (квадратик вместо бубенчика) можно высказывать различные предположения.

Так или иначе, наименования мастей в современном литературном языке установились довольно прочно, однако до сих пор существуют колебания форм и ударений как в названиях самих мастей, так и в производных от них словах: черви — червы, *пиковый* — *пикóвый*, *трéфам* — *трéфám*, *трéфах* — *трéфáх* и т. д.

Название карточной масти *бубны* на первый взгляд представляется тем же самым словом, что и название музыкального инструмента *бубен* (множественное число *бубны*).

В действительности это не так. Слово *бубен* (музыкальный инструмент) издавна известно в русском языке, *бубны* (карточная масть) — как уже говорилось, относительно позднее заимствование из чешского (хотя оба слова восходят к одному и тому же общеславянскому корню). В этом, видимо, причина того, что *бубны* (масть) и *бубен* нередко различаются у нас при склонении: имея в виду музыкальный инструмент, мы говорим во множественном числе: *бубны*, *бубнов*, *бубнам* и т. д., а при обозначении карточной масти: *бубны*, *бубён*, *бубнám* и т. д. или *бубны*, *бубен*, *бубнам* и т. д.

В письменном литературном языке мы сталкиваемся с вариантами: *бубён*, *бубнám* и проч. (ср. у писателей: «И замечал при выходе с бубен: „Ну, Петр Кузьмич... вы знаете закон!“». Некрасов. Чиновник; «Ах! часто суровы, упорны, упрямы Дамы черв, бубен и пик». Брюсов. Дама трэф); второй вариант, возникший по аналогии со словом *бубен* (инструмент), распространен в устной речи носителей литературного языка. Формы *бубны*, *бубнэй* или *бубы*, *бубей*, проникающие из говоров в устную, преимущественно ненормированную речь, в литературном языке встречается лишь у писателей как средство речевой характеристики: «Тетя Дуня разложила свои орудия производства тридцать шесть потресканных карт... — Король бубей! — воскликнула старуха пронзительно» (Клевакин. Тетя Дуня и сводки); «— Ходи, ходи, бубни — козыри, — словно в смертном педуге выкрикивал Мишка» (Леонов. Барсуки).

Для обозначения червонной масти среди лиц, говорящих на литературном языке, в равной мере употребительны два варианта слова: *чёрвы*, *чёрвэй*, *чёрвám* и т. д. и *чёрвы*, *чёрв*, *чёрвам* и т. д. Оба ряда форм включены в толковые и орфографические словари современного русского языка. Распространенность обоих вариантов в литературном языке подтверждают и тексты художественной литературы: «— Двойка червей, десятка трэф ... Десятка? Прищурился глаза, он посмотрел в потолок, вздохнул

и смешал карты» (М. Горький. Жизнь ненужного человека); «Открыл карту — глядь, а у меня восьмерка в пяти червях» (Пикуль. На задворках великой истории); «[Кеннигсек] произносит сладко: — Мы опять червы» (А. Толстой. Петр Первый). Исходя из употребления, оба варианта надо признать допустимыми.

В современном языке к существительному *червы* известны два относительных прилагательных — *червоновый* и *червовый*: «Червоновая дама легла между семеркой и восьмеркой бубен» (Каверин. Открытая книга); «[Шарлотта]: Какая карта сверху? [Пищик]: Туз червовый» (Чехов. Вишневый сад). Оба прилагательных правильны с точки зрения словообразования, но поскольку суффикс *-н-* более продуктивен, чем *-ов-* в относительных прилагательных, вариант *червоновый* прак-

тически употребляется шире, является основным.

Для относительных прилагательных *пиковый* и *трефовый* толковые и орфографические словари русского языка признают правильным только один вариант ударения: *пико́вый*, *трефо́вый*. И действительно, когда мы называем, например, известное произведение Пушкина и одноименную оперу, мы обязательно скажем: «Пиковая дама». Но, с другой стороны, каждый, вероятно, неоднократно слышал от игроков в карты: *трефбвый туз*, *пикбвая десятка* и под. Ударения эти широко распространены в речи носителей литературного языка, они имеют право на существование, и вряд ли запретительные пометы способны задержать их употребление.

И. Н. ШМЕЛЕВА
Ленинград

В 1883 году великий русский естествоиспытатель В. В. Докучаев выпустил в свет монографию «Русский чернозем». Этот год считается датой рождения новой науки о почве. Но сам термин *почва* уже широко употребляется в научной литературе. Происхождению слова *почва* в ши-

роком значении посвящен один из разделов статьи академика В. В. Виноградова, помещенной в сборнике «Этимология» (М., 1963). *Почва* этимологи производят от древнего русского слова *подъшва* (*подошва*), которое к XVIII веку преобразовалось фонетически в форму *пошва*. Слово это употреблялось в XVIII веке в нескольких значениях, главными из которых были: 'основание', 'опора', 'низ' (*пошва* крепостного вала, *пошва* горы, под печи и т. д.)...

К середине XVIII века *пошва* начинает приобретать значение: 'земная почва', 'материк земли' в противоположность 'земле наносной'. В этом значении *пошва* и его новая фонетическая вариация *почва* отмечается в «Словаре Академии Российской» (1789). Проиллюстрируем указанное положение двумя примерами. В «Трудах Вольного экономического общества» за 1769 год читаем: «Часть болот состоит из жирной иловатой земли..., находящаяся под оною *пошва* обыкновенно есть мелкая глина». В журнале «Эконо-